

ЗЕЛЕНОЕ СЕРДЦЕ

Денис и Лиза, работавшие в одной компании, разными путями убежали из офиса и встретились у станции метро. Денис — по версии, озвученной начальству, — находился на переговорах с клиентом, а Лиза отпросилась в поликлинику. Они шли на квартиру к приятелю Дениса, и это было первое свидание после кокетливых намеков, столкновений в курилке и волнующей игры на корпоративных праздниках, когда они рисковали угодить в кадр фотоманьяка или попасться доброжелателю, решившему довести сплетни до законных половинок. Был солнечный весенний день, они, непривычные к свободе от посторонних глаз, шли рядом, и надо было говорить, потому что неудобно молча вышагивать, как солдаты на параде, — но у них еще не было привычки к беседе. Поэтому оба нервничали, Лиза принужденно смеялась, а Денис тянул незначащие фразы.

— Какая красивая, — говорил он, обтекая взглядом Лизину фигуру. — Какая вы, девушка, стильная... зеленая. Волшебная царевна...

Он вспомнил о прочитанных дочери сказках, обнаружил, что зеленый цвет пристал царевне-лягушке, но

не озвучил, — вдруг бы Лиза, представив квакающее существо, нестати обиделась. Поэтому он быстро вернулся:

— Василиса премудрая.

Лиза не взяла спутника под руку — жесты спокойной прогулки противоречили настроению.

— Василиса? — переспросила она наугад.

На ней было оливковое пальто, юбка цвета хаки, салатовый шарфик — все в ласкающем глаза сочетании, и даже эмалевый кулон — по форме сердца — имитировал зеленый малахит. Денис разобрался в мифических персонажах и выпалил:

— Хозяйка медной горы! Точно-точно...

И оба захохотали, будто он сказал что-то смешное.

У станции метро было много народа. Приходилось огибать раздатчиков рекламы, пенсионеров с кошельками, темных личностей, продававших из-под полы краденые телефоны — и было весело, точно они продолжали игру, которую вели почти два месяца на работе. Лиза провела рукой по блузке, проверяя кулон и волнуясь от собственного прикосновения. Она радовалась, что они

вместе и что на ней замечательное белое. Сознывая, что соблазнительна, она поведила головой, чтобы чувствовать, как пересыпаются шелковистые волосы, вдыхала запах своих духов, и ноздри раздувались от удовольствия.

Денис, исчерпав возможности сказочной темы, зацепился за напечатанное на мостовой объявление «Отель на час. От 600 руб. Хостел. Сауна».

— Смотри-смотри... Здесь жизнь кипит... бурлит.

И он, рисуя в воображении картины, поведаль:

— В таких местах видеокамеры стоят. Потом в Интернет выкладывают.

— Ну да? — протянула Лиза, лукаво заглядывая ему в глаза. — А это же вмешательство? В частную жизнь?

— Кому какое дело. Ты думаешь, почему в Интернете столько записей?

— Не знаю... я в Интернете не смотрю...

Они опять засмеялись, и Лиза, пощипывая шарфик, обдумывала, как вести себя, когда придут в квартиру — пойти в душ или не терять время. Четыре часа назад она, пока муж варил кофе на кухне, стояла под теплыми струями, воображая предстоящее свидание, и кожа еще чувствовала свежесть. Но с другой стороны — визит в ванную избавлял от неловкой процедуры совместного раздевания. В отличие от обитателей жаркого климата, где достаточно легкой рукой сбросить платье, в решающую минуту предстояло стянуть колготки... носочки... майку... А из ванной можно появиться, накинув полотенце. Или не накидывать. Еще купание расслабляет, а Лиза непроизвольно смущалась — хотелось расцветать под прикосновениями любовника, а не вбираться в раковину, как улитка.

— ...эти сайты за границей все равно. Они вне нашей юрисдикции... — И он добавил, спеша отмежеваться от подростков, подглядывающих в замочную скважину: — Нет, я тоже не большой любитель... другое дело, когда специально снимают... да и то лучше практика.

Лиза остановилась.

— А может, выпьем? — спросила она, перебивая.

Образовалась пауза. Денис округлил глаза, словно его разбудили.

— Ты хочешь выпить?

— Ну да... чего-нибудь. — Лиза пошевелила в воздухе пальцами. — Так... проще.

— Как хочешь... пожалуйста. Нет, мне не надо. Но если хочешь...

Денис панически оглянулся. Как нарочно, вокруг располагались точки общепита для трезвой публики. «Шоколадница» и «Кофе хауз» остались позади, и Денис не помнил, что наливают... и есть ли там алкоголь... а возвращаться не хотелось. Но не идти же в «Кружку» — к толпе нерадивых студентов, коротающих про-

гулы за дешевым пивом!.. Пока он колебался, Лиза отмахнулась:

— Обойдемся! — и двинулась вперед, представив, как они вытирают локтями замызганный бар. Конечно, с глотком вина проще... но следовало подумать заранее.

— Алкоголь развязывает, — согласился Денис и уже тащил Лизу вглубь двора, к магазинчику, чудом уцелевшему среди монстров-супермаркетов. У двери он снова сделался насмешлив:

— Значит, вы, девушка, любите выпить? Понятно... вот если узнает начальство?

Ассортимент торговой точки не отличался разнообразием, но Денис заметил шампанское. Лиза осталась на улице, и Денис видел в окно, как она облизывает губы и ковыряет газон сапогом. Как нарочно, продавщица была занята — изучала с престарелой покупательницей долговой кондуит.

— Наталья Петровна... на той неделе двести восемьдесят три рубля — видите? В понедельник — шестьдесят пять рублей пятьдесят копеек...

— Что?

— Вот — сметана и батон хлеба!

— Валечка, на бумажку запиши...

Дергаясь от досады, Денис снова посмотрел в окно. Перед Лизой, щурившей глаза, стоял мужичок бомжеватого вида, что-то говорил, а Лиза смеялась. Денис смирил порыв выскочить и отшить приставалу, отметив понурый вид и искательную мину попрошайки, кланящего мелочь у сердобольных женщин. Пока он примерялся гаркнуть через дверь что-нибудь угрожающее, Наталья Петровна получила линованную бумажку, и две девочки в курточках, с золотистыми головками и пушистыми косичками, принялись выбирать яркую конфету, тыкая пальчиками в чан из плексигласа. Продавщица не торопилась, а Денис свирепо выдыхал воздух. Потом девочки определились, настал его черед.

Когда он вышел из магазина, запихивая бутылку во внутренний карман, бродяжка, припадая на ногу, удалялся, и Денису оставалось проговорить шаловливо:

— Вы, девушка, пользуетесь оглушительным успехом... вас оставлять ни на минуту нельзя.

Лиза засмеялась и тронула кулон.

— Городской сумасшедший... Сердце, говорит, не бывает зеленым. Не надо носить зеленое сердце.

— Это был предлог, — сказал Денис, и они отправились дальше.

Между оттаявшими дорожками и опилками на клумбах дорога вела через школьный двор, обнесенный решеткой. Денис, который с детства знал эти места, объяснил, что напрямую короче.

— А где хозяин квартиры? — спросила Лиза. — А то... — Она задумчиво скосила глаза. — Есть

такая публика, любит появляться в неподходящие моменты...

Денис кивнул.

— У тещи, в Казани. У них ребенок родиться должен, а теща завотделением в больнице. — И, приглушив голос, успокоил спутницу: — Квартира дикая... он, когда не женат был — дверь не запирает. Правда-правда. Как-то воры залезли... ничего не взяли и ушли.

Денис не объяснил, что воры наступили в кошачий лоток, содержимое которого находилось без новомодных наполнителей — в природной первозданности, — а потом на них, когда искали меховые шапки, сорвалась антресоль. Разумные люди решили не испытывать судьбу... Проходили мимо старой школы с колоннадой, и странно было, что стены выкрашены в желтый цвет, а колоннада — в розовый. Навстречу пробежали, тяжело дыша и шлепя кедами, школьники, у которых был урок бега.

Лиза проводила спортсменов взглядом удивленного превосходства. Ей сделалось странно при мысли, что дети учатся, а она идет в дикую квартиру с человеком, которого толком не знает — кроме того, что известно о сотруднике коллегам по работе. Она мысленно нарисовала мизансцену, когда они останутся вдвоем: прильнуть к нему с поцелуем или отвернуться, поджидая объятий? Она предпочитала второй вариант — оказаться добычей в его руках... если он догадается. За школьным углом отдыхали человек десять беспардонных лентяев, пользующихся тем, что попали в слепую зону и учитель их не видит. Лиза удовлетворенно подумала, что все обманывают... кругом обман. Потом попытались открыть калитку, которая оказалась даже не запертой, а заваренной в нескольких местах. Видимо, школьному начальству надоело наблюдать толпы местных жителей, сокращающих дорогу.

— Подлецы, — проговорил Денис, со звоном держа решетку. Он старательно улыбался, маскируя раздражение от неожиданной помехи. — И куда МЧС смотрит? Где антитеррористические мероприятия... безобразия.

У Лизы вырвалось первое соображение, пришедшее на ум.

— Дурной знак... пути нет.

Она произнесла это с ироничным оттенком, но Денис перебил:

— Есть путь... куда ему деться. В обход, как все нормальные герои...

Посреди тривиального действия — преодоления пары сотен метров от точки до другой — возникла драматургия, которая позволяла разнообразить происходящее. Денис вошел в роль решительного человека —

рядом с колеблющейся дамой. Он обнял Лизу за плечи и, убеждая, проговорил в ухо:

— Пошли-пошли...

Лиза вздрогнула, улавливая через ткань пальто сильные мускулы. Ей понравилась его рука, понравился горячий шепот, обжегший шею. Впечатление было таким резким, что перехватило дыхание. Обнявшись, они проследовали мимо розового крыльца с видом старшеклассников, за которыми следит педагогическое око. Выбрались за пределы огороженного участка и обогнули решетку по дорожке, на которую раньше не обратили внимания.

— Наставили заборов, — сказал Денис. — Скоро пройти будет невозможно.

— Сейчас закон, — вспомнила Лиза. — Каждый дом может оформить территорию и делать что угодно...

Ее занимал вопрос, как они выпьют шампанское. Процесс требовал церемонии: откупорить, разлить, сесть на диван... В квартире, которой брезгуют воры, вряд ли имеются правильные бокалы... Шли мимо трансформаторной будки, покрытой антивандальной живописью, и Лизе в лубочных рисунках — черепашках на песчаном берегу, морских камешках, осьминожках в синей воде — мерещились неприличные изображения, и это возбуждало. Если будут пить на диване — она сядет к нему на колени, и они поцелуются. Вышли из-за угла к бурому дому с заколоченными пожарными лестницами, эркерами, кондиционерами, спутниковыми тарелками и оконными рамами, которые хозяева обновили на разный лад, обнаруживая количество окон в каждой квартире. Лизе пришло в голову, что в таких домах просторные помещения и можно резвиться голой, чтобы это не смотрелось как метания по клетке. Хорошо бы еще ковер на полу...

— Приятный запах, — промурлыкал Денис, склоняясь к ее волосам, а Лиза забеспокоилась о духах.

Как бы аромат не прилип к женатому человеку, которому по возвращении с деловых переговоров не пристало благоухать дамскими снадобьями.

На лавочке у подъезда, ежась, сидел мужичок, с которым Лиза говорила пять минут назад. Заметно было, что у него опухшее лицо, на грязной брови запеклась кровь и что его била дрожь — то ли от холода, то ли от нездоровья.

— Ваш поклонник, девушка, — засмеялся Денис громко. — Караулит...

Мужичок — со страдальческой гримасой — проводил идущих поворотом головы, подобно локальной антенне. Денис замешкался у двери, справляясь с домофоном, когда за спиной задрезжал тенорок.

— Девушка, — протянул алкоголик умоляюще. — Вы меня извините... у меня тоже плохо, все очень плохо.

Лиза сбилась с шага и обернулась.

— ...но все равно, — продолжал алкоголик. — Даже когда очень плохо... не надо, ну не надо... пожалуйста, не надо... носить это зеленое сердце.

Денис понял, что настал черед обернуться защитником.

— Мужик! — рявкнул он с раздраженной агрессией. — Отстань уже... ты надоел!

И он, открыв дверь подъезда, пропустил Лизу вперед.

СНЕЖНАЯ НОЧЬ

Снег возникал из темноты, бросаясь на стекла. Дворники, мерно снуя по сторонам, сбрасывали хлопья вниз, так что на кромке лобового стекла образовался утрамбованный, сочащийся водой валик. Фары выхватывали из темноты узкую дорогу с коркой наледи, а по бокам — высокие сугробы с насыпанными комками; безжизненные россыпи в искусственном свете напоминали лунный пейзаж. Сорокалетний Евгений, не чувствуя тепла от раскаленной печки, гнал машину из Москвы в деревню, в прадедовский дом, не сознавая цели, только ощущая пульсацию в висках. Перед глазами выплывало видение: известняковый и клеенчатый пол роддома, белое окошко справочной, обклеенное бумажками — ценными указаниями относительно распорядка, казенные книги на столе и молодая девка с толстым лицом, усеянным пупырышками пирсинга, болтающая с кем-то по телефону, с противной растяжкой слов:

— Да достали уже... а у нас — прикинь — дауенок родился, прикольный такой... обезьянка.

И бетонное лицо равнодушной санитарки, листающей телефонный справочник — ему бросилось в глаза — на букву «т»? Такси? Торговля? Театры? С обидой пришло в голову, что из-за их занятий личными делами — вместо исполнения служебных обязанностей — и случилось несчастье. Это стало последней каплей, после которой он бросился в гараж и вон из города, выгадывая время, хотя и понимая, что спрятаться от накатившей беды не удастся. Ничего не изменится. Он мысленно увидел, как Даша — теперь не просто дочь, а старшая — скорчила плаксивое лицо и заявила:

— Оставьте вы это чудо в роддоме... меня замуж никто не возьмет, как узнают.

— Что ты говоришь? — не понял отец, которого оглушили события последних дней, и он не усваивал сказанное с первого раза.

— А то! Скажут, гены плохие...

Отец гаркнул, подозревая, что не обошлось без наказания ее бабки, которая полгода назад, узнав, что он снова станет отцом, процедила, воображая, что выглядит аристократической дамой:

— Не понимаю, зачем это надо, можно обойтись и без детей. Я по себе знаю, чего мне стоили вы с Кириллом...

И тогда он с отвращением подумал, что, может быть, смерть старшего брата пятнадцать лет назад не была для нее трагедией.

Еще он думал, что жизнь одинокого инвалида, пережившего родителей, — катастрофа, и даже при живых близких не сахар. Вспомнился его визит в школу, когда Даша подралась с одноклассницами... Но Даша способна постоять за себя, а представить, что на ее месте окажется больной беззащитный ребенок — это Евгению было страшно. В классе тогда была учительница, Яна Олеговна — цветущая тетка с сильными, обнаженными до локтей руками, — которая спросила коротко и весело:

— Поляков?

— Что? — испуганно выкрикнул смазливый чертенок, дернувшись и замерев по стойке смирно.

— Тебе в лоб дать?

— Нет!

— Тогда веди себя прилично.

И в уверенном тоне Яны Олеговны, и — особенно — в реакции провинившегося Полякова была стопроцентная убежденность, что произнесенная угроза реальна и в любой момент может привести в исполнение. Евгений мучительно представлял уязвимого ребенка в подобной ситуации. Еще было неловко, что на ум приходили стыдные, глупые соображения: не станет заграничного отдыха, обмелеет семейный бюджет — возрастут расходы на больного ребенка — не будет свободного времени и исчезнут из привычного быта приятные мелочи: рестора-

ны, где наглая обслуга и хамоватые посетители брызгают нездоровыми людьми... гостевые визиты, потому что не все приятели отличаются широкими взглядами, чтобы признавать в своем обществе дауна. И что теперь ему будут соболезновать и выражать сочувствие, а это мерзко. Ощущение разрушенной, конченной жизни сопровождало жалкое воспоминание: как он в большой комнате, на рабочем месте, в офисе торговой компании советует сослуживицам — опустившимся теткам — не бояться беременности в зрелом возрасте, авторитетно утверждая, что роды омолаживают женский организм, и ссылаясь на примеры из гламурного телевидения. А тетки с робким уважением кивают головами. Гаденькая думка — как он покажется на глаза этим женщинам и что теперь скажет — сверлила его и не давала покоя.

Дорога была пуста. Не было встречных, и никто не обгонял. Евгений почти уверился, что помех не станет до самой деревни, и поэтому едва успел затормозить перед возникшим человеком. Фигура заслонилась рукавом от ослепляющих фар, но не сдвинулась. Выругавшись, Евгений отметил, что у неуместного пешехода был один выход — вжаться в снеговую гору. Похоже, что потенциальной жертве автомобильной аварии спастись не хотелось.

Пребывание наедине с собой так измучило Евгения, что он не выдержал — выскочил из машины налегке, хлопнув дверцей и не заметив обхватившего его мороза. Снежинки потеряли агрессивность и мягко касались лица, становясь водой.

Человек, предчувствуя неприятную сцену, напрягся и втянул голову в плечи. Он был в странном одеянии: пальто, крытое хлопчатобумажной холстиной, обрамленное по шее меховым воротником. Во что-то похожее любили одевать подростков лет двадцать пять назад. Рыхлая ткань без водоотталкивающей пропитки вобрала снег и отяжелела. Лицо было мокрое, уставшее — и показалось Евгению старым.

— Спятки? — спросил Евгений раздраженно, но не зло. Скорее даже, интересуясь, что заставляет ночью в снегопад самоубийственно бродить по трассе. Возможно, что-то родственное его беде. — Уйди с дороги.

Человек разлепил замерзшие губы.

— Куда?

Убраться с дороги вправду было некуда — узкая расчищенная полоса для проезда и в полный рост — борта из желтого снега, присыпанные по пороше свежим белым налетом.

— Шляются такие — без мозгов! Нет бы дома сидеть. А мне в тюрьму нельзя.

Человек кивнул.

— И мне бы не хотелось.

Евгений пригляделся к его буроватому лицу.

— Так от нее бежишь?

Человек в холстинном пальто поежился.

— От нее по шоссе не бегают.

Евгений вздохнул.

— Ну, садись.

— Садись? — Человек переспросил, не поверив. — Зачем?

— А что делать с тобой? В сугроб засунуть — загубишь, на дороге оставить — еще и того дурака подставить, который тебя собьет... Залезай.

Тот оживленно потер руки и распахнул переднюю дверцу.

Колеса превосходно отработали сцепление на ледяной корке, и машина покатила дальше. Человек блаженно расслабился в тепле, снял шапку, обнажив голову с изрядными проплешинами, оцепенел от удовольствия и усталости, и от него исходило активное наслаждение передышкой от какой-то большой, безысходной опасности, о которой не хотелось даже спрашивать. Евгений задал ему только вполне прагматичный вопрос:

— Тебя как звать?

Голос давнишнего курильщика глухо булькнул откуда-то из бронхов:

— Петр.

Евгений представился и спросил:

— Куда идешь?

Петр вяло и неопределенно покрутил кистью, но не ответил.

— Ладно, — согласился Евгений. — Поехали...

Петр привалился к машинной дверце, уронил плечи и застыл. После пешего холодного перехода его не тянуло разговаривать, и было неловко рассказывать солидному и, наверное, умному и дальновидному господину в дорогой машине о неприятностях, выставляя себя идиотом. О том, как, услышав в семь утра звонок судебных приставов в дверь, он впустил пришельцев, а сам пустился наутек и с тех пор не присел и не отдавал отчета, куда идет и зачем. О том, как со всех сторон — разве что из утюга только не долбили мозг — возьми кредит, возьми кредит. О том, что недалекая жена всхлипывала, что загубила с ним молодость. И как все казалось просто, хотелось красиво пожить, и в голову не приходило, что надо отдавать, ведь те, кто советовал брать, ничего не говорили о возврате... И что он боится думать о том, что оставил за спиной.

Ехали молча, лишь у поворота на деревню Евгений удивленно повернул голову и спросил:

— Дальше или как? Можешь вылезти. Здесь еще шоссе.

Петр пошевелился, и заметно было, что сильно уставшему и пригревшемуся в тепле после мороза человеку трудно дается даже еле приметное движение.

— А можно не вылезать?

Евгений не удивился.

— Как хочешь, — позволил он.

Фары скользнули по замызганной табличке с указанием населенного пункта Мокрохвостово. Заметив ее, Петр повеселел.

— Название-то какое. Я как-то... студенческие годы еще... в гостях был... в Мокрохвостово — тоже.

— Может, оно?

— Нет... его, наверное, нету давно. И тогда пять дворов было.

— Как запомнил... — пробормотал Евгений.

— Не забудешь. Такая девушка была...

Он, выдержав паузу, ожидал поощрения к дальнейшему рассказу, но не получил, а продолжал сам, борючаясь, словно в полусне.

— Нас мажор один возил, его знакомая. Звали — Марлен. Папа-дипломат впечатлился когда-то. Но кинозвезда эта, по которой назвали, рядом не стояла, я специально старое кино посмотрел... куда там. Ноги короткие... волосики жидкие... Наша-то была — королева... Порода! Рост... фигура... глазщи... Блондинка... коса — с руку толщиной...

Евгений прервал отрадные воспоминания.

— У соседа жену, кажется, так зовут — Марлен.

— Видимо, популярно было... в определенной среде.

Евгений покачал головой.

— Здесь не та среда... она — чуть не плечевая. Он ее году в девяносто пятом на трассе подобрал, как собачонку — ногу перебил кто-то. Пила без просыпу целый год. И вещи у меня с участка пропадали — по мелочи, так. Рукомойник... сапоги старые у сарая сушились... белье как-то на ночь оставили на веревке. А потом ничего... пить перестала. Когда от земли существуешь — тут либо пить, либо выживать, не до жиру. Огород... куры, кролики... картошку сажают...

Съехав с основной дороги, провалились в какую-то дыру. Евгений поневоле отвлекся на опасения, что машина вот-вот уйдет в снежную яму или упрется в ту-пик. Только спокойствие пассажира, который мирно покачивался вместе с ныряниями автомобиля по узкой тропе и, казалось, был уверен, что ничего плохого не случится, помогало двигаться дальше. Тропа, войдя в лес, становилась хуже, словно кто-то специально проложил ее для врагов — чтобы никто не проехал. Приходилось ползти еле-еле, чтобы вовремя отслеживать внезапные повороты на девяносто градусов и успевать вписываться. Автомобиль задевал края сугробов, поднимая взрывы сухой снежной пыли, снующие дворники едва справлялись, и при каждом таком событии возникала паника, что они угодили в сугроб и не выберутся.

— Дорога... — процедил Евгений. — Имени Ивана Сусанина...

Потом закончился лес, и дорога потянулась более или менее ровно — ползли в рыхлой колее, кое-где безнадежно взрыхленной и разбитой. Наконец в свете фар блеснула деревянная стена. Подъехали к сараю с глухими окнами, стоящему посреди поля, без ограждения.

— Здесь? — пошевелился Петр с неохотой.

— Нет... здесь лавка импровизированная. Держит хмырь один.

Евгению категорически не хватало спиртного, а остановиться в городе он не догадался — да и, кажется, было уже вечернее время, когда в цивилизованных московских магазинах тяжелым алкоголем не торгуют.

Он вылез из машины и, с хрустом завязая ботинками в мягком снегу, сделал несколько шагов к двери сарая. Решительно постучал в косяк. Петр тоже выглянул, расправляя затекшие плечи. Он потянул носом — в холодном воздухе примешан был запах печного дыма. Снегопад утих, редкие снежинки кружились в воздухе.

За пыльным стеклом, внутри сарая, метался свечной огонек и слышались крики — раскатистый мужской и пронзительный женский.

— Убивают, что ли? — испугался Петр, отпрянув и не выразив желания влезать в уголовную историю.

Евгений успокоил.

— Нет, это семейное.

Петр захмыкал. Рывком распахнулась дверь, и в запахе кислого пара вылетел раскосый хозяин, в испачканной тельняшке, бурлящий от возмущения:

— Что еще! Кому там?..

— Тихо, Егорушка, тихо, — успокоил его Евгений. — Свои, не кипятись.

У Егора что-то сработало в голове, и он сунул руку пришельцу:

— Представь! — Он ткнул вглубь сарая, подразумеваемая таящаяся жена. — Менту дорогу рассказала! Нет бы в другую сторону направить! Срам какой — с ментами сотрудничает!

— А что менты, — спросил Евгений, переходя к теме. Он понимал, что без существенной причины никто не поедет в забытую деревню: либо пожар, либо кража, либо серьезное что-нибудь: смертоубийство, не дай бог. — Ограбили кого?

Егор поник. Пар валил от него клубами — из носа, изо рта... кажется, и из ушей.

— Доски у Екатерины Ивановны стянули. А может, и не стянули. Как они разобрались, под снегом-то таким, что доски украли? Растает весной — пять раз отыщут...

— Воров нашли?

Егор раздраженно затряс головой.

— Я понятным был. У ментов же как: найдут несколько человек и роли распределяют. Если понятой, то надо соглашаться... пока другим не назначили.

— И кто виновный оказался?

Егор сплюнул в снег.

— Таджиков каких-то прихватили. Не знаю... Я их ни разу тут не видел.

— Алкоголь есть?

Егор успокоился и деловито оглянулся в темноту.

— Видишь — света нет. — Он развел руками. — Что найду...

Он вернулся в сарай. Евгений тоскливо оглянулся в сторону заметенных снегом домиков. Черные стены нахохлились под снежными ворохами, и всюду было темно.

— А что, электричества нету? Везде?

Егор снова вылез, прижимая две бутылки к телу.

— Это мне повезло — персонально. Голикову туалет дачный привезли. Приехали три брата-чурбана на ЗИЛе. Что-то с чем-то! В кузов навалено — не сортиры, а пирамида египетская. Сунулись по улице — и провод своротили... — Он принялся браниться, но вспомнил о деле. — Нашел, вот... на ощупь. Брать будешь?

Евгений расплатился, плохо различая купюры в темноте и думая, что, если он перепутает, то Егору повезет и наварит он на спекулятивной операции больше, чем обычно. Потом вернулся в машину. Петр уже сидел и изучал сквозь лобовое стекло лежащую перед ними местность — или делал вид, что изучает.

Преодолев ворота, они провалились в темноту, заполненную сугробами, и казалось, что катятся они не по деревне, где есть люди, а по необитаемой пустыне, и неверная дорожка сейчас упрется в очередную снежную гору. Потом повезло — сверкнул в одном окошке огонек — словно бальзам пролил на душу, — и падающий из него теплый свет выхватил часть узорного штакетника и купол пушистого сугроба. Сделалось по-домашнему, благополучно, и было заметно, что дорога стала шире и ухоженней.

Евгений свернул к дому и остановил машину в расчищенном месте, у дверей гаража, запертого на большой амбарный замок. Вытащил ключ зажигания.

— Приехали...

Он вылез, достал из багажника лопату и запер машину. Потом повел нового приятеля тропинкой к забору, где привычно вытащил доску, и можно было пролезть на участок. Оба ступали по колено в снегу, загребали в ботинки, но делать было нечего. Через соседский двор проникли в следующий, и здесь Евгений, размахав лопатой снег, отпер дверь.

Электричество было, зажгли свет. Пока хозяин ходил к поленнице и разводил огонь в печке, Петр, сидя на табуретке, оглядывался по сторонам. Ему вспоми-

налось, как лет двадцать назад он ездил в другое Мокрохвостово — следом за Марлен, напросившись незванным гостем в богатую компанию, — и там был похожий дом: такие же бревна, проконопаченные, с выбивающимися клоками... Он, согреваясь у открытой печной дверцы и глядя на языки пламени, перенесся в то время. Все было очень похоже. Такой же пузатый самовар на подносе — оставшийся от предков или купленный на барахолке... Открытая терраса — так же как сейчас, со снегом на перилах. В том доме, кажется, к стенам были тоже прибиты подковы в коричневом окисле — хозяин хвастался, что вырыл в огороде. Тогда было модно украшать интерьер народным стилем. Хозяин, открывая бутылки с кубинским ромом, сетовал:

— Не успеешь приехать — местные бегут за ханкой. И попробуй не дай! Тут спились давно, человеческий облик потеряли... и считается, что ты всем должен по гроб жизни. Нет, в деревне невозможно. Только приличный дачный участок... желательно с хорошей охраной и забором в два метра.

Кто-то, вскрывая консервные банки, поинтересовался:

— А здесь колхоз или совхоз?

Хозяин удивился.

— Черт их знает. Без разницы.

— Нет, разница есть...

Принялись обсуждать принципиальные отличия. Петр не помнил, о чем говорили, с кем была Марлен, но отчего-то он почувствовал, что лишний в этом манерном обществе и никогда не станет своим. Противное осознание неполноценности вытолкнуло его из комнаты в темный чулан, где он бросился лицом вниз на колючий диван — в отчаянии, что красавица Марлен даже не смотрит на него, и не посмотрит никогда, и что все его иллюзии смешны. Черные мысли путались в голове, он не слышал, как галдели в большой комнате, и очнулся, когда открылась дверь, и свет ворвался в чуланчик вместе с запахом ее любимых ландышевых духов.

— Ничего не могу, противно, — послышался ее огорченный голос.

— Лучше напейся, — посоветовала подруга участливо.

Девушки закрыли дверь и сели в изножье большого дивана, на котором лежал Петр. Снова сделалось темно, а он затаил дыхание.

— Не могу, — ответила Марлен звенящим голосом. — Из головы не лезет... гад противный. Я час в душе простояла, терла мочалкой... все равно — как по уши в грязи.

— Плюнула бы на эту пятерку, — проговорила подруга.

— Да он бы все равно не отстал! С начала семестра глазами ел... и бородака еще... брр... сволочь.

— Сходила бы на кафедру... пожаловалась.

Марлен помолчала несколько секунд, потом воскликнула:

— И главное, говорит: насчет, говорит, курса лекций у меня нет сомнений... но теперь я, милая, уверен — хотя бы принцип Калашникова ты на всю жизнь запомнишь...

— Говорю, напейся.

— Не хочу. Мне надо... отвлечься на кого-нибудь. Чтобы не этот мерзкий козел... а кто-нибудь — нормальный хотя бы.

— Предложи вон — Маратику, — согласилась подруга и перешла на игривый тон. — Он не откажется. Он от тебя давно без ума.

— В том-то и дело. Подумает черт-те что... лучше кого-нибудь малознакомого... или вовсе со стороны. Который потом не будет хвостом ходить... тьфу, даже переспать не с кем! А кто это дрыхнет?

— Это? Петя, кажется, — ответила подруга безошибочно, а предмет обсуждения вовсе перестал дышать и пытался сдержать бешено заколотившееся сердце. — Ну этот... из провинции... в папином тулупе. Кажется, Кирюша с ним учится...

— Да, — согласилась Марлен решительно. — Это подойдет.

Подружка хмыкнула.

— А если узнает Валентин?

— К черту! — воскликнула Марлен раздраженно. — К черту, к черту!

— Смотри... — Подружка поднялась и тихо выскользнула из чулана, а Марлен под села ближе, приглядываясь к его лицу. Потом ее ладонь легла на его щеку.

А на другой день, и на третий, и потом она не обращала на него внимания, обдавала презрением, словно ее пачкало подобное знакомство, и он, подчиняясь условиям, не напоминая о себе и потихоньку отошел от их компании, а потом потерял ее из вида. Время от времени ему мерещилось, что она живет где-то за границей — жена посла, не меньше, — вращается в высшем свете, ведет блестящую жизнь... или скучает в особняке на Рублевке, окруженная вышедшими в люди детьми и внуками... и ему становилось приятно от этих фантазий.

На столике, покрытый пленкой поверх трогательной, связанной крючком скатерти, стали пыльные рюмки с потертым от времени золотым ободком, и Евгений, разливая мутноватую от мороза водку, проникся очередным приступом жалости к себе, потому что старые предметы были свидетелями благополучной жизни, а теперь благополучие кончилось, и по-прежнему мучила обида: за что? Оказалось, что закусывать нечем, в

ящичке буфета нашлась пачка прошлогодних крекеров, но сотрапезники были рады и этому. Комната нагрелась, потрескивал огонь в печи, и стало уютно.

Они успели выпить по рюмке, когда в открытой двери возникло движение. Что-то заколотило, заскребло по дощатым полам, и на середину комнаты стремительно выскочила, метя хвостом, собака — помесь сеттера.

Евгений узнал собаку, и собака, видимо, узнала его.

— Рыжик! Здорово, Рыжик! Здорово, хороший...

Рыжик наскакивал, лизал знакомого и не возражал против почесывания за ухом.

Заскрипели полы, и на свет, пригибаясь у притоки и недоверчиво приглядываясь, вышел бородатый мужчина — в распахнутом камуфляжном бушлате с овчиной, с топором в руке.

— Смотрю — свет горит... дверь раскрыта... кого, думаю, принесло?

Евгений пригласил пришельца к столу, но тот в ответ скользнул глазами по столику, по крекерам и сказал с насмешкой:

— У, как вы бедствуете. Я соленых огурцов принесу.

Когда бородатый вышел и увел собаку, Евгений пояснил, понизив голос:

— Это Алексей Данилович, сосед.

Алексей Данилович вернулся через пять минут — без топора, с початой трехлитровой банкой, где в туманном рассоле плавали огурцы.

— Закусите хоть этим. Я Лене сказал — сейчас картошка вареная будет, еще теплая.

Он опустился на табуретку, но от предложенной рюмки отказался.

— Нет... это вам можно. Я свою цистерну выпил.

Долго разыскивали вилку, чтобы достать огурцы.

— А кто сейчас живет, Алексей Данилович? — спросил Евгений.

— Кто живет? Мы с Леной, Виктор Иванович... баба Катя, Рустам и отец Дмитрий с матушкой Ириной. Ну, — он ухмыльнулся, — и Егорушка с Верой. Больше-то никого — зима. Вас, дачников, нету...

Евгений посетовал:

— Не доберешься. Еле доехали — думали, в сугробе останемся... чего это дорога стала извилистая? Такими зигзагами ехали — совсем, что ли, пьяный прокладывал?

— А нарочно. Кавказцы лес вырубают... вот местные и дорогу проводят, чтобы бревна не пролезли. — Алексей Данилович оживился. — Все хочу как-нибудь, пока зима, прут железный на пути хорошо вкопать и снегом обсыпать. Чтобы напоролись как следует.

— Пока зима — по следам тебя вычислят.

— Ничего. Они в следах не понимают.

— Да свои вычислят! И сдадут. Много ли надо?

— Могут...

— А кто крышует? — вставил Петр.

— Откуда я знаю, кто крышует. Понятно, что навер-ху кто-то. Попробуй я в лесу на какой-нибудь сухой ветке замахнуться — сейчас со всех сторон набегут.

Он помолчал и вздохнул.

— Укрупнение, глобализация. Это раньше своими силами управлялись, — Он припомнил. — Был случай, когда на мосту орла одного два грузовика притерли... из каждого вылезло человек по пять. Орел в машине заперся, стекла закрутил до упора... а его тачку на руки подняли и через перила в речку выбросили. И уехали.

— И что с ним стало? Утонул?

— Не знаю. Даже если и выбрался — больше о нем здесь никто не слышал.

— У вас прямо бои, — протянул Петр.

Алексей Данилович откусил пол-огурца, подумал и сообщил с хитрым видом:

— Так вот же. Идут они.

— Кто?

— Бои.

Он восседал мощным корпусом на эфемерной табуретке, спину держал прямо, плечи в разворот, при жевании смешно двигалась полуседая растительность на лице, и стало заметно, что у него усы, борода и брови разных оттенков.

Было слышно, как распахнулась входная дверь, дохнуло морозом, и вошла худая женщина. Приветливо улыбнулась, поздоровалась и, откинув полотенце, развернула эмалированную кастрюльку. Под крыш-кой оказалась вареная картошка, посыпанная сушеным укропом. Запахло так, что у голодных пришельцев загорелись глаза.

— Не стоило... — пробормотал Евгений смущенно. — Разбудили вас, наверное?

Женщина махнула рукой с темноватой окантовкой ногтей.

— Пустяки, Женя. Мы ведь рано не ложимся. На дой-ку не вставать.

Она встала рядом с Алексеем Даниловичем, и тот, сидя, обхватил ее за талию.

— Это точно, — проговорил он, умильно глядя снизу вверх. — Да, Лена?

Картошка переместилась в тарелки, и гости жадно набросились на еду. Алексей Данилович тоже принял участие, а женщина стояла и смотрела, как быстро пустае-ет кастрюлька, и щербато улыбалась, стараясь под-ворачивать и прятать засаленные края шерстяной кофты.

— Знатные огурцы, — проговорил Петр уважительно, когда выпили еще по рюмке.

Алексей Данилович сморщился.

— С банками возни много. В марте хочу ледник в по-гребе сделать — от электричества не зависеть. Ближе к

весне лед с речки выпиливали, в погреб, и сеном обло-жить хорошо... можно газетами.

— А что, помогут газеты?

— Конечно! Я все зимы в детстве проходил со стель-ками из газеты. В ботиночки уложишь, и проблем нет... Не читают их только сейчас.

Петр вздохнул.

— Много дел в деревне. Как успевать со всем...

— А чего нам? Мы бездетные. Вот — отец Дмитрий с матушкой Ириной — те крутятся... у них четверо. Еще коз держат, для молока. Хотели баранов — отговорили их... говорят, мокро слишком у нас для баранов, низина, луга сырые, копыта плесневеют. Даже у Рустама бара-ны не пошли, а ему-то карты в руки. Коровам — тем ни-чего... но корова — это же целое дело... а хочется как попроще. Человек ленивый... да? — Он лукаво, имея в виду что-то свое, известное только им, посмотрел на жену.

Та улыбнулась.

— Принцип Калашникова, — проговорила она.

— Это что?

— Не помню... Давно слышала... из этой оперы что-то.

— Ну да. Всех из автомата, чтобы не мучились? Зна-ем мы этот принцип...

Лена разгладила полотенце и сложила вчетверо.

— Пойдем, — потянула она мужа. — Мы, правда, спать уже собирались.

Тот поднялся неохотно — ему хотелось еще поси-деть и поговорить. Но он подчинился жене.

Супруги ушли, и Евгений запер за ними дверь. В ком-нате тем временем хорошо нагрелось, стало тепло и благостно — так, что обоих пришельцев разморило, и они заснули, не успев договорить о том, что их мучило и гнало в снежную непогоду из города. Евгений, уба-юканный отсветами огня за поддувалом, завалился на-бок на диван, а Петр, сидя на табуретке, прислонился к стене. Они спали, и отравленный алкоголь проникал в мозги, вызывая вспышки ярких сновидений, и Евгению чудилось, что его мир пришел в порядок и спокойствие, и в жизнь вернулся смысл, у него безупречный сын — надежда и опора его старости — и есть будущее. А Пе-тру снилась молодая Марлен, ее радость, ее нежность, и гармония ее существа, и излучение уверенности, что красота будет всегда, и что любые стрелы недоброже-лателей разобьются о ее чары, а преданные обожатели, собравшись под ее крылом, уцелеют во всех передря-гах. И где-то они бродили вместе по закоулкам далекой юности, смеялись и не могли наговориться... и сладкие видения меркли и затухали, как гас огонь в печке, пре-кращаясь постепенно, язычок за язычком, превращаясь в золу и угли.